

⁴⁶ Из воспоминаний Д.Н. Бологовского // *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. С. 226–238. Эта записка русского генерала представляет собой мини-исследование, навеянное Жомини и основанное на свидетельствах генералов неприятельской армии.

⁴⁷ Семенищева Е.В. Боевые действия русской армии после Бородинского сражения в записке генерал-майора Г.В. Розена // *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы.* Можайск, 2000. С. 236.

⁴⁸ Письмо Х.П. Кирсанова А.И. Михайловскому-Данилевскому от 1 июня 1836 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 3465, ч. 2, л. 257 об).

⁴⁹ *Маевский С.И.* Мой век, или История генерала Маевского // *Русская старина.* 1873. № 8. С. 146.

⁵⁰ Предписание М.И. Кутузова М.И. Платову от 17 сентября 1812 г. // М.И. Кутузов. Т. 4. Ч. 1. С. 317–318.

⁵¹ Материалы ВУА. Т. XXI. СПб., 1914. С. 296. Показательно, что это письмо атамана в канцелярии главнокомандующего хранили среди секретных бумаг.

⁵² *Вильсон Р.-Т.* Дневник и письма 1812–1813 гг. СПб., 1995. С. 155.

⁵³ Записка М.И. Кутузова от 23 сентября 1812 г. // М.И. Кутузов. Т. 4. Ч. 1. С. 374.

⁵⁴ Приказ М.И. Кутузова по армиям // Там же. С. 426.

⁵⁵ См. подробнее: *Сапожников А.И.* О действиях корпуса Платова в октябре–декабре 1812 г. // *Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года: Материалы Всероссийской научной конференции.* Саратов, 2002. С. 142–149.

© 2011 г. Л.В. МЕЛЬНИКОВА *

«КИЕВСКАЯ КАЗАТЧИНА» И ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ. К ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЯХ В КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Весной 1855 г. в связи с созывом государственного подвижного ополчения в некоторых губерниях Российской империи вспыхнули крестьянские волнения, сопровождавшиеся предъявлением священникам требований о проведении массовых записей на военную службу, что, по мнению восставших, должно было сопровождаться освобождением их от крепостной зависимости и наделением земель. Самым крупным и своеобразным эпизодом развернувшейся борьбы было движение в Киевской губ., где в исторической памяти народа воинская служба и вольная жизнь ассоциировались с казачеством. С легкой руки современников эти события вошли в историю под названием «Киевской казатчины».

Несмотря на то что дореволюционные и советские исследователи (как русские, так и украинские) неоднократно обращались к изучению данного явления, непростое участие в нем православного духовенства не получило в историографии достаточной разработки и осмысления. Как правило, исследователи сосредоточивали основное внимание на действиях крестьян. Дореволюционные историки М.Н. Ясинский¹ и И.И. Игнатович², последовательно излагая фактическую сторону событий, признавали антикрепостнический характер крестьянских выступлений, подчеркивая при этом патриотические настроения крестьян и их верность престолу. С. Томашевский³ и А. Добровольский⁴ видели в крестьянском движении 1855 г. проявление тенденции к украинскому сепаратизму и восстановлению казацкого строя.

* Мельникова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00532а/П.

Советские исследователи М.К. Лемке⁵, С. Шамрай⁶, Я.И. Линков⁷ и А.З. Барабой⁸ подробно рассматривали «революционную деятельность» крестьянских вожakov, изучали социальное расслоение в среде крепостных крестьян, стараясь показать, «какой именно слой крестьянства боролся наиболее активно в движении 1855 г.»⁹. При этом они, как правило, ставили под сомнение наличие у крестьян патриотических чувств¹⁰. В духовенстве советские историки неизменно видели классового врага крестьянства и пытались даже возложить на него (наряду с правительственными войсками) ответственность за происшедшее кровопролитие. Так, например, Я.И. Линков пишет: «Борьба киевских крестьян носила если не антицерковный, то в известной мере антипоповский характер»; «Церковь выполняла весьма активную, действительную роль в подавлении движения»¹¹. Т.Г. Фруменкова назвала попытки священнослужителей призвать своих прихожан к спокойствию и порядку «антинародными действиями», которые только углубили якобы существовавшую прежде «пропасть между церковниками и крестьянами»¹². Исследовательница фактически поставила духовенству в вину его отказ присоединиться к крестьянским волнениям. «На Киевщине, – пишет она, – в 1855 г. не наблюдалось ни одного случая перехода священников на сторону народа»¹³. (Необходимо отметить, что со временем Фруменкова пересмотрела свое первоначальное мнение по указанному вопросу, признав, что в годы Крымской войны сельские священники в ряде охваченных волнениями губерний на самом деле выступили в роли пострадавших¹⁴.)

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы на основе главным образом архивных документов и воспоминаний очевидцев рассмотреть положение, в котором оказалось православное духовенство Киевской губ. во время крестьянских волнений 1855 г.: показать задачи, возложенные на него Святейшим Синодом, попытку их реализации, а также отклик на действия духовного сословия в крестьянской среде.

Манифест «О призвании к государственному ополчению» император Николай I подписал 29 января 1855 г.¹⁵ В тот же день он утвердил «Положение о государственном ополчении», где излагались подробные правила его организации¹⁶. Эта мера была вызвана тяжелым положением русской армии на театре военных действий, а также угрожающей позицией Австрии, заключившей 2 декабря 1854 г. союзный договор с Англией и Францией. По его условиям Австрия не могла вступать в соглашения с Россией без консультаций с западными державами. Последние в свою очередь обещали ей помощь в случае ее войны с Россией. Как известно, правительство и прежде в период наиболее тяжелых военных столкновений прибегало к созову ополчения. Предыдущие примеры были в 1806 и 1812 гг. Это было вызвано тем, что существовавшая в России рекрутская система не позволяла существенно пополнить армию в ходе самой войны. Церковь, выполнявшая в Российской империи идеологическую роль, в таких случаях традиционно объясняла народу необходимость нового созыва и призывала к спокойствию и повиновению властям.

Поэтому уже через 2 дня, 1 февраля 1855 г., исполняющий обязанности обер-прокурора Святейшего Синода А.И. Карасевский представил на рассмотрение и утверждение императора 3 документа, содержавшие предложения Синода по данному вопросу. Первый представлял собой традиционное при выходе Высочайшего манифеста постановление Синода о его обнародовании. С этой целью предполагалось разослать манифест в необходимом количестве печатных экземпляров «ко всем подведомственным местам и лицам», чтобы, «по предварительном сношении с местным гражданским начальством», огласить его в соборах, церквах и монастырях: в Санкт-Петербурге – «в наступающий праздник Сретения Господня 2 февраля», а в прочих местах – в первый по получении манифеста воскресный или праздничный день, после Божественной литургии. Затем следовало исполнить молебное пение с коленопреклонением, «совершаемое во время брани против супостатов, находящихся на ны». Кроме того, предписывалось «положенную на литургиях после сугубой ектении молитву о победе на супостаты читать с коленопреклонением ежедневно, а во все воскресные и праздничные дни после литургии отправлять и упомянутое молебное пение с коленопреклонением же».

Карасевский добавлял при этом, что «молебное пение есть то самое, которое совершалось в 1812 году»¹⁷.

Второй документ назывался «Проект распоряжений по Духовному ведомству относительно государственного ополчения». Он состоял из двух частей. Первая часть содержала в себе «общие распоряжения», вторая – «особые». Общие распоряжения подлежали исполнению на территории всей Российской империи, особые распространялись только на те губернии, где был назначен сбор ополчения¹⁸. Необходимо отметить, что Киевская губ. не была включена императором в район формирования ополчения, поскольку, наряду с Волынской и Подольской губ., несла довольно тяжелую квартирную и подводную повинности при проходе войск на Дунай. Поэтому я ограничусь здесь характеристикой только общих распоряжений Синода. Епархиальным пресвященным предписывалось немедленно, по получении соответствующего указа из Синода, через благочинных, а по возможности и лично, сделать подробные наставления приходским священникам и настоятелям монастырей, чтобы они при оглашении Высочайшего манифеста от 29 января 1855 г. и в проповедях прежде всего объясняли пастве, «особенно людям податных состояний», справедливый, священный характер войны, а также необходимость нового созыва. Суть объяснений состояла в том, что Россия ведет войну за святые места, за интересы православной Церкви на Востоке, в защиту своих единоверцев в Османской империи. «Настоящая война, – говорилось в документе, – с самого начала своего есть для нас, русских, война за святую веру, за Церковь Христову, Самим Спасителем насажденную на Востоке, за православных восточных христиан, страждущих под турецким игом». Увеличение войск противника угрожает «безопасности Отечества нашего и требует усиления средств защиты людьми, готовыми ополчиться по первому призыву царскому». Требовалось подчеркнуть, что император, «всецело возложив упование на Бога, твердо надеется и на православный русский, искони приверженный к святой вере, искони преданный престолу народ, всегда готовый отстоять Родину... и не дать врагу глумиться над верою отцов наших, разорять храмы Божии и святые обители». Духовенству предписывалось непременно объяснить народу, что «служба государственного ополчения есть временная, после которой всякий возвратится в свое состояние, в свой дом, к прежним своим занятиям», а также то, что «служба сия есть священная», поэтому погибшие на войне «омоют грехи свои пред Богом», а вернувшиеся с поля брани сохраняют «на всю жизнь в сердце своем сладостное чувство исполнения священного долга пред Богом, царем и Отечеством»¹⁹.

Специальными *секретными* наставлениями архиереи должны предписать священникам, чтобы они обращали пристальное внимание на настроения в среде крепостных крестьян, т.е. следили за тем, не возникает ли о призыве ополчения «каких-либо превратных толков». В случае появления где-либо подобных толков, а тем более «беспокойств», преосвященные обязаны «немедленно командировать туда самых благонадежных духовных лиц», обладающих опытом и даром убеждения, «для внушения таковым людям, сколь сие преступно пред Богом и Его Помазанником, и недостойно православного русского народа». Благочинным вменялось в обязанность как можно чаще посещать вверенные им церкви, наблюдая за исполнением священниками возложенного на них долга. Преосвященные должны регулярно собирать сведения о положении дел в епархиях; и в случае необходимости, по согласованию с губернаторами, «снабженными особым на сей случай наставлением», принимать соответствующие обстоятельствам меры²⁰.

Третьим документом, представленным Карасевским императору Николаю I, была историческая справка о распоряжениях, сделанных Святейшим Синодом по поводу сбора ополчения в 1806 и 1812 гг. Поскольку в оба предыдущих раза были составлены и обнародованы воззвания Святейшего Синода к народу, копии которых прилагались к справке²¹, то обер-прокурор просил разрешения императора на принятие такой же меры и в данном случае²².

Все 3 документа были одобрены и утверждены императором. На первых двух Николай I собственноручно написал: «Очень хорошо»²³, на третьем – «Считаю весьма

приличным составить подобное же (воззвание. – *Л.М.*) и ныне»²⁴. Через несколько дней необходимое количество экземпляров Высочайшего манифеста о призвании к государственному ополчению и утвержденного императором проекта распоряжений по Духовному ведомству (в виде инструкции) при соответствующих циркулярных указах Синода (от 5 февраля 1855 г.) были разосланы архиереям всех епархий для надлежащего исполнения. Проект воззвания Синод поручил составить Санкт-Петербургскому митрополиту Никанору (Клементьевскому). 24 февраля этот документ, предварительно рассмотренный Синодом, был утвержден уже новым императором Александром II²⁵.

Воззвание было адресовано Синодом всем чадам Православной Российской Церкви. В нем также подчеркивалось религиозное значение войны, ее справедливый, оборонительный характер. «Вам известно, – говорилось в воззвании, – сколь несправедливо воздвигнута сия брань на Отечество наше за то, что блаженной и вечной славы достойной памяти великий государь император Николай Павлович, по священному долгу защитника православия, требовал от Порты Оттоманской восстановления нарушенных ею прав святой Православной Восточной Церкви и избавления единоверных нам христиан от тяжких страданий; известно также, к общему изумлению, что враги Креста Христова нашли себе опору в двух западных державах (Франции и Великобритании. – *Л.М.*), именующихся христианскими, которые, ничем не оскорбленные Россиею, с ожесточением внесли огонь и меч в ее пределы»²⁶. Обращалось внимание на кощунственное, нехристианское поведение англо-французских войск: бомбардировка Одессы в день Великой субботы – в «священнейшие часы молитв у Гроба Господня» (10 апреля 1854 г.), обстрел «мирной Соловецкой обители» (6–7 июля 1854 г.), разрушение православных храмов «в прибрежных беззащитных местах».

Необходимость созыва государственного ополчения обосновывалась усилением войск противника и поиском им новых союзников. Приводя исторические примеры создания в России ополчения, Церковь призывала все сословия русского общества к новым героическим свершениям: «Ваши предки с приснопамятным князем Дмитрием Донским кровью искупили независимость земли Русской от ига неверных, с Пожарским и Мининым отстояли от врагов веру правую и законный престол царский; ваши отцы с Александром Благословенным защитили Отечество от несметных полчищ иноплеменников. И вам предстоит ныне такой же святой подвиг; и вы окажете себя достойными его». Поступающим в ополчение Синод рекомендовал уповать на Бога и оказывать беспрекословное повиновение властям. Духовенству предписывалось укреплять свою паству «силою веры и упования на милость Господню». Воззвание заканчивалось теплым молением к Богу даровать помощь в столь священном деле²⁷.

Через несколько дней воззвание Синода при соответствующих указах было разослано «ко всем подведомственным местам и лицам» для обнародования во всех церквях империи в первый после получения документа воскресный или праздничный день «по окончании литургии перед молебным пением». Кроме того, преосвященным было предписано сделать распоряжение, чтобы приходские священники и настоятели монастырей, помимо данных им прежде Синодом наставлений о том, «как изъяснять пастве причины войны и ополчения в защиту Церкви, престола и Отечества», «черпали бы и из настоящего воззвания мысли к постоянному при всех удобных случаях внушению прихожанам их священного долга»²⁸.

Чтение в церквях Высочайшего манифеста от 29 января 1855 г. «О призвании к государственному ополчению», упомянутого воззвания Святейшего Синода, а также Высочайших манифестов от 14 декабря 1854 г. «О воззвании к России по случаю настоящей войны» и от 18 февраля 1855 г. «О вступлении на престол императора Александра II» послужило толчком к массовым крестьянским выступлениям в Киевской губ. Несмотря на то что священники, следуя указаниям Синода, при оглашении манифеста от 29 января 1855 г., как правило, разъясняли, что служба в ополчении носит временный характер, что призваны будут не все (согласно «Положению о государственном ополчении» призыву подлежали по 23 человека с каждой тысячи «ревизских душ»)

и не сразу, а также то, что после войны все ратники возвратятся в свое первоначальное («первобытное») состояние, ложные толкования документа все-таки возникли. Неукротимое желание получить волю и землю заставляло крестьян искать и находить в царских словах совершенно иной смысл.

Прежде всего, крестьянам хотелось верить, что в ополчение возьмут всех желающих. В какой-то степени этому способствовали и неопределенные выражения Высочайших манифестов. Так, например, в манифесте от 14 декабря 1854 г. говорилось: «Буде нужно, мы *все*, царь и подданные, повторяя слова императора Александра, произнесенные им в подобную нынешней годину искушения, с железом в руках, с крестом в сердце, станем перед рядами врагов, на защиту драгоценнейшего в мире блага: безопасности и чести Отечества»²⁹. В манифесте от 29 января 1855 г. отмечалось: «Обращаемся с сим новым воззванием ко всем сословиям государства, повелевая: приступить к *всеобщему* государственному ополчению»³⁰.

Желание крестьян в массовом порядке поступить на военную службу проявлялось в Киевской губ. задолго до появления манифеста о созыве ополчения. Так, например, в октябре 1854 г. в «Киевских губернских ведомостях» была опубликована статья священника села Черкассы Васильковского уезда Михаила Вышинского, свидетельствующая о патриотическом настрое его прихожан. По словам священника, после прочтения им в храме Высочайшего манифеста от 9 февраля 1854 г. «О прекращении политических сношений с Англией и Францией» крестьяне грозились «напомнить нечистой силе турецкой гетманщину» и «единогласно» говорили: «Пиши, отче духовный, до кого следует, что мы все, кроме старого да малого, готовы идти на войну за веру христианскую, за честь цареву и за Родину; и грудью станем против врага, а не позволим, чтоб нога поганого топтала святую землю русскую»³¹. По словам очевидца событий протоиерея Петра Лебединцева, после выхода этой заметки среди крестьян села Черкассы впервые начались разговоры о том, что батюшка запишет их «в казаки»³².

Высочайший манифест от 29 января 1855 г. (прочитанный в церквах Киева 12 февраля, а на местах в конце месяца) был воспринят в некоторых селах губернии как призыв к немедленному всеобщему вступлению в ополчение с освобождением от исполнения барщины («панщины»). Прослушав текст манифеста, крестьяне нередко просили священников составить списки желающих поступить на службу. Необдуманное согласие на это некоторых священнослужителей стало той искрой, из которой вскоре разгорелось пламя. Так, например, священник села Керданы Таращанского уезда Макарий Семинский в начале марта 1855 г. не только составил список крестьян своего прихода, изъявивших желание поступить в ополчение, но и привел их к присяге на верность императору Александру II, чем, по словам исполняющего должность Киевского военного губернатора, Подольского и Волынского генерал-губернатора кн. И.И. Васильчикова, «подал им повод думать, что они тотчас должны все поступить в государственное ополчение и быть свободными от господских работ»³³. (Согласно манифесту от 25 ноября 1741 г., к присяге на верность императору в Российской империи приводились только лица свободных состояний.) 12 марта Киевский митрополит Филарет (Амфитеатров) получил от священника с. Великая Волянка Таращанского уезда Ивана Мельниковского донесение о том, что он «из ревности к Отечеству собрал от 146 крестьян своего прихода подписки на поступление в ополчение и представил таковые исполняющему должность Киевского военного губернатора»³⁴. По предписанию митрополита Филарета М. Семинский и И. Мельниковский были немедленно вызваны в Киевскую духовную консисторию для предания суду. Проведенное дознание показало, что они совершили данные поступки без злого умысла – «по недоразумению и неопытности своей» или «по неблагоприятной ревности». В результате оба были переведены на священнические вакансии в другие уезды с взятием у них строгой подписки о воздержании впредь от подобных действий «под опасением лишения священнического сана»³⁵. В том же уезде пресловутые «списки» составили также священник села Федюковка Павел Вышинский и священник села Веселый Кут Лисинский. Вскоре они также были

вызваны в Киевскую духовную консисторию и через некоторое время определены в другие, более отдаленные приходы.

Для наведения порядка в Таращанском уезде митрополит Филарет командировал в Таращу члена Киевской духовной консистории протоиерея И. Мациевича (Мициовича), который, согласно данной ему инструкции, по приезде на место должен был вызвать к себе всех уездных благочинных и сделать им «надлежащее наставление», объяснив сущность распоряжений правительства относительно государственного ополчения. Кроме того, для предотвращения появления превратных толков об ополчении в других уездах губернии в течение марта 1855 г. из Киевской духовной консистории по предписанию митрополита Филарета, сделанному по просьбе кн. И.И. Васильчикова, во все духовные правления были трижды разосланы соответствующие предписания. 9 марта епархиальное начальство запретило сельскому духовенству входить в какие бы то ни было рассуждения и объяснения с крестьянами, выражающими готовность встать на защиту Отечества, о возникновении подобных желаний следовало немедленно сообщать местному начальству. 21 марта приходским священникам было предписано при появлении «малейших недоразумений» спокойно объяснять крестьянам, что им следует заниматься обычными работами и соблюдать повиновение помещикам и местным властям, а «если потребует царь стать для защиты святой Церкви и земли русской, и об этом объявит им начальство», то те из них, которые будут избраны, должны исполнить свой долг «с упованием на Бога и с совершенною готовностью». Священникам строго запрещалось составлять в приходах какие-либо списки, а церковнослужителям – вообще вступать с крестьянами в разговоры об ополчении. Наконец, новый указ из консистории от 23 марта напомнил духовенству вышеупомянутые распоряжения епархиального начальства и подчеркнул, что лица, которые неуместными рассказами подадут повод к недоразумениям, будут отрешены от должности и преданы суду по всей строгости закона³⁶.

Однако, несмотря на принятые меры, крестьянские волнения в Таращанском уезде не прекращались. Напротив, толки о начавшейся записи «в казаки» и о приведении к присяге на верность новому императору вскоре дошли до смежных уездов: Васильковского, Звенигородского, Сквирского и Уманского. Более того, по мере распространения превратные слухи, как снежный ком, обрастали все новыми и новыми «фактами». В немалой степени этому способствовала активная деятельность низведенного из дьяконов в дьячки села Федюковка Таращанского уезда Слотвинского. Взяв в церкви указ 1806 г. об ополчении, он стал развешивать по селам и представлять его крестьянам как современный царский указ, якобы укрываемый духовным и гражданским начальством. За определенную плату Слотвинский читал и толковал крестьянам указ, а также записывал их «в казаки», беря за каждую запись по 2.5 коп. Возмутитель общественного спокойствия вскоре был арестован³⁷. Тем не менее брошенная им идея о существовании «настоящего» царского указа об ополчении (понимавшегося в качестве «указа о вольности»), скрываемого сговорившимися с «панами» священниками, пришлась крестьянам по душе. Они стали толпами приходить к своим приходским священникам с требованием выдать им их «добро» (указ о вольности) и записать «в казаки». Откуда-то взялась информация, что записаться нужно непременно к определенному сроку – к концу Фоминой недели (в 1855 г. Пасха приходилась на 27 марта, следовательно, Фомина неделя продолжалась с 3 по 9 апреля), иначе навсегда останешься в крепостной зависимости. Неуместные шутки некоторых лиц типа «Записывайтесь скорее, а то опоздаете» воспринимались всерьез и только подливали масла в огонь. Началась смута.

Весной 1855 г. крестьянские волнения охватили 9 из 12 уездов Киевской губ.: Таращанский, Васильковский, Сквирский, Каневский, Звенигородский, Киевский, Уманский, Черкасский и Чигиринский, наиболее сильно проявившись в первых четырех. Крупнейшие эпизоды крестьянского движения, в частности, развернулись на территории имений кн. П.П. Лопухина (м. Корсунь и ряд других сел Каневского уезда), польского помещика А.С. Понятовского (м. Таганча того же уезда), а также польских

графов братьев Браницких. Последнее имение, с административно-хозяйственным центром в селе Белая Церковь, занимало огромную площадь с населением более 100 тыс. человек православного вероисповедания. В него входили $\frac{2}{3}$ Васильковского уезда, по $\frac{1}{3}$ Таращанского и Каневского, $\frac{1}{4}$ Звенигородского и значительные части Черкасского и Радомысловского уездов³⁸.

В общей сложности в той или иной степени смута затронула около 500 сел, примерно в 100 из них действия крестьян были направлены непосредственно против священников³⁹. Принцип действия был примерно одинаковым: явившись к священнику, крестьяне требовали выдать им их «добро» и записать «в казаки». Никакие объяснения и уговоры не помогали. Крестьяне отказывались верить, что указа о вольности не существует. Они искали его в домах священников, в храмах. Народное воображение рисовало этот указ написанным золотыми буквами, украшенным крестом и золотыми кистями по углам. В порыве запальчивости крестьяне нередко проявляли по отношению к священникам грубость и неуважение. Так, например, упоминавшегося выше автора патриотической заметки М. Вышинского прихожане ночью стащили с кровати, разорвав на нем рубаху, выволокли во двор и, «всячески терзая», в течение нескольких часов заставляли предъявить им необходимые документы. Испугавшись за свою жизнь, Вышинский написал заявление на имя исполняющего должность Киевского военного губернатора, что крестьяне села Черкассы, деревень Поправка и Быковая Гребля (его прихожане) желают поступить на военную службу. Отдав эту бумагу крестьянам, священник поспешил уехать в Белую Церковь⁴⁰.

Предъявление требований часто сопровождалось бранью и угрозами. Священников называли «хриstopродавцами», «кровопийцами», «панскими попыхачами», «царскими брехунами» (т.е. лгущими именем царя, искажающими его слова)⁴¹. Около 10 священнослужителей, подобно Вышинскому, с испуга дали крестьянам какие-то бумаги. Чаще всего это был ни к чему не обязывающий перечень крестьян села, без какого-либо упоминания о «казачестве» и «вольности». Так поступили, в частности, в Васильковском уезде священники Дмитрий Дьячков (село Кожанка) и Стефан Александровский (село Шкаровка)⁴². Священник села Яблоновка того же уезда А. Руткевич вообще подписал составленный писарем «документ», утверждавший крепостничество: «Мы, крестьяне графа Браницкого, как по настоящее время работали панщину, так и впредь будем работать – мы и наши дети»⁴³. Пользуясь неграмотностью прихожан, эти священнослужители старались выиграть время и скрыться. Слухи о таких «добрых священниках», якобы объявивших волю, широко распространялись в крестьянской среде и заставляли остальных еще сильнее терзать своих «упрямцев». По подсчетам Т.Г. Фруменковой, 33 служителя Церкви были задержаны восставшими. Их насильственно «брали из домов» и под караулом водили в другие села, где крестьяне уже якобы получили указ о вольности, или, наоборот, запирали в жилищах или в церкви, не давая возможности оттуда выбраться. 19 священнослужителей подверглись избиениям и пыткам⁴⁴.

Одним из наиболее пострадавших был благочинный, протоиерей села Малая Березна Сквирского уезда Василий Сикорский, в течение недели (причем Пасхальной) терпевший побои и издевательства от своих прихожан и крестьян из соседних сел. Позднее он подробно описал свои злоключения⁴⁵. Для наглядности кратко приведу его историю. В канун Великой субботы, 25 марта 1855 г., по просьбе местного исправника Сикорский отправился в село Логвин, чтобы попытаться успокоить возникшие там волнения. Местный священник, принуждаемый крестьянами объявить им их «добро», находился под арестом. Весь день прошел в бесплодных, но мирных переговорах. А когда на следующий день логвинский священник совершил не совсем удачную попытку к бегству (вскоре его поймали), обстановка накалилась еще сильнее. Крестьяне обвинили Сикорского в пособничестве, и их предводитель Иван Олейник жестоко избил его, крича при этом: «Я твой кат (палач); не выпущу тебя живым, пока не отдашь нам нашего добра»⁴⁶. В Пасхальную ночь Сикорский вернулся домой. Однако через 2 дня он был захвачен собственными прихожанами, предъявившими ему те же

традиционные требования. В пример отцу Василию крестьяне ставили вышеупомянутого священника села Яблоновка Васильковского уезда А. Руткевича, объявившего своим прихожанам «волю». Никакие уверения, что этого быть не может, не действовали. Домой Сикорского крестьяне не пустили, заперев его на ночь в колокольне. На следующий день он попросил прихожан позволить ему отслужить панихиду по императору Николаю. После некоторых колебаний крестьяне согласились, однако, не дождавшись окончания службы, грубо схватили протоиерея, сорвали с него облачение, свалили на пол, выволокли из церкви и под конвоем повезли в Яблоновку. Там Сикорский увидел текст процитированной выше пресловутой «вольной грамоты». Несмотря на свое удрученное состояние, он не мог не рассмеяться. Особенно горькое впечатление произвело на отца Василия поведение примкнувшего к восставшим его «собрата по сану» – дьякона села Малая Сквирка Бохемского. В присутствии крестьян он обратился к Сикорскому со следующим советом: «Отец благочинный! Пожалейте себя; довольно с вас, вы уже не похожи на себя; объявите им их добро, пусть более не мучат вас! Дайте им грамоту об их вольности». Дьякона поддержал и отставной унтер-офицер, который заявил, что он служил в царском дворце и знает, что указ о воле вышел еще 3 года тому назад. Вернувшись в свое село, крестьяне вновь заперли Сикорского в колокольне. Там он находился в течение пяти дней, мучимый голодом и холодом. Еды ему не давали принципиально, угрожая голодной смертью. Вскоре в Березну пришли крестьяне соседних сел – Логвина и Антоновки. Сюда же они привели под конвоем своих священников. Вышеупомянутый Олейник предложил пытать священнослужителей. Их раздели и, привязав к веревке, сначала водили босиком по колючим растениям, а затем 3 часа продержали в холодной воде, загнав в реку Рось, с которой недавно сошел лед. Такие пытки продолжались в течение трех дней. Даже ночью священникам не давали спать, водя их на веревке по селу, «по колена в грязи». В конце концов, крестьяне решили пытать священников каленым железом и, вероятно, сделали бы это, если бы вовремя не подоспели войска, которые подавили восстание и освободили пленников⁴⁷.

Еще одним пострадавшим, оставившим воспоминания, был священник с. Миронька Каневского уезда Антоний Ковальский, исполнявший обязанности благочинного церковью 4-го округа, в который входили 11 сел данного уезда⁴⁸. Так же как и В. Сикорский, он подвергался жестоким избиениям, от которых неоднократно терял сознание, унижениям и оскорблениям. По свидетельству Ковальского, в его округе издевательства со стороны прихожан претерпели еще 8 священников: Иоанн Чернодубравский (с. Сытники), Рафаил Туробольский (с. Сотники), Симеон Смирницкий (с. Пишки), Александр Борлевич (с. Смородня), Иоанн Загородский (с. Выграево), Дмитрий Подгаецкий (с. Корниловка), Тимофей Стрижевский (м. Корсунь), Михаил Кудревич (с. Гарбузино)⁴⁹.

Восстановить порядок гражданское и духовное начальство первоначально пыталось мирными средствами, с помощью объяснения и убеждения. В середине марта 1855 г. кн. И.И. Васильчиков, боясь оскорбить патриотизм крестьян и еще не представляя реальную степень возможной опасности, предписал всем исправникам Юго-Западного края: «1) не допускать действий, которые могли бы охладить чувства православного народа, возбуждаемые Высочайшими манифестами, или ослабить исполнение лежащих на них обязанностей к помещикам и собственному хозяйству; действовать спокойно, кротко, без шума, вразумляя крестьян; 2) приобретать доверие крестьян, чтобы можно было руководить их волею по указаниям начальства; 3) останавливать всякое недоразумение по поводу воззвания Святейшего Синода о государственном ополчении, которым жители призываются на защиту Церкви и Отечества; 4) действовать с крайнею осторожностью, отнюдь не допуская крайних мер»⁵⁰. Крайние меры, т.е. «употребление воинской силы и вразумление крестьян наказаниями», по мнению Васильчикова, следовало допустить только в том случае, «если бы крестьяне, не слушая вразумлений, оказали сопротивление властям» или проявили «явное ослушание»⁵¹.

19 марта 1855 г. для опровержения ложных слухов и успокоения крестьян в наиболее волнующиеся уезды кн. Васильчиков командировал 2 особые комиссии. В Васильковский и Сквирский уезды был направлен генерал-майор корпуса жандармов Белоусов с полномочием, в случае надобности, употреблять строгие полицейские меры. В конце марта в помощь ему были посланы исполняющий должность гражданского губернатора коллежский советник Веселкин и чиновник особых поручений капитан С. Громеко. В Таращанский и Каневский уезды были направлены чиновник особых поручений подполковник Афанасьев и советник Киевского губернского правления К.К. Янкулио⁵². Обеим комиссиям предписывалось «не охлаждать проявившихся чувств преданности крестьян государю», но выявить тех, «кои подстрекают крестьян и утверждают их в заблуждении»⁵³. В состав второй комиссии по распоряжению митрополита Филарета вошел благочинный и законоучитель Белоцерковской гимназии протоиерей Петр Лебединцев, получивший предписание «мерами кротости и убеждения стараться обратить заблудших к их долгу»⁵⁴. Исполнение этой миссии достаточно подробно описано в воспоминаниях П.Г. Лебединцева⁵⁵. Протоиерей констатирует, что убеждения уполномоченных военным губернатором и митрополитом в ряде мест Таращанского и Каневского уездов действовали на крестьян положительно, однако во многих селах найти общий язык с ними не удалось. В местечке Таганча Каневского уезда крестьяне даже чуть было не задержали уполномоченных. Почувствовав скрытое недоброжелательство и получив от управляющего имением А.С. Понятовского Беренса предупреждение о намерениях восставших, Афанасьев, Янкулио и Лебединцев поспешили уехать. Необходимо отметить мужество протоиерея Петра Лебединцева. Зная о брожении в народе, он неоднократно спокойно проводил богослужения вместо приходских священников (которые, если не были захвачены прихожанами, старались лишний раз не попадаться им на глаза), произносил проповеди о необходимости соблюдать спокойствие и оказывать повиновение властям. 10 апреля 1855 г. во время восстания в м. Корсунь Каневского уезда на Лебединцева и его спутников (Афанасьева и Янкулио), пытавшихся провести переговоры, набросилась разъяренная толпа вооруженных дубинами крестьян. Парламентерам чудом удалось спастись⁵⁶.

После первых бесед с крестьянами Лебединцев еще в марте 1855 г. в рапорте на имя митрополита Филарета изложил свои впечатления и их требования (позднее это вошло в его мемуары): 1) крестьяне «не хотят работать барщины и платить податей, под предлогом готовности служить Богу и Государю, и хотят быть вольными казаками в надежде, что им будут даны земли»; 2) «к сему увлекают их ложные слухи и примеры с. Черкас, Кердан и Федюковки, священники которых, по их словам, получили будто крест и звезду за приведение прихожан своих к присяге»; 3) «побуждением решиться идти в казачество послужили притеснения со стороны помещичьих экономий, обременение их разными повинностями, бедность и неудовлетворение их жалоб, а недоверие к священникам происходит от того», что последние «не принимают их жалоб, тогда как при введении инвентарных правил⁵⁷ объявлено было в церквях гражданскими чиновниками, что крестьяне должны обращаться к священнику в случае недоразумений или излишних требований со стороны помещика, а потому полагают, что священники подкуплены помещиками»⁵⁸. В приведенном документе речь идет непосредственно о крестьянах села Шкаровка Васильковского уезда, однако их требования практически совпадали с требованиями крепостных во всех других восставших селениях Киевской губ. Все крестьяне хотели одного – воли и земли, соглашаясь в обмен на это исполнять по требованию царя военную службу.

Нередко выдвигаемое предводителями восставших требование передать крестьянам *всю* помещичью землю, что в то время не мог содержать в себе пресловутый «указ о вольности», даже если бы он действительно существовал, заставляет предположить, что превратные толки о Высочайшем манифесте от 29 января 1855 г. и слухи о проводимой в отдельных местах записи «в казаки» были использованы некоторыми вожаками как повод для того, чтобы поднять восстание и выдать желаемое за действительное. В пользу этого предположения говорит, в частности, еще один эпизод из воспоминаний

того же Лебединцева. В Таганче после долгих и бесплодных увещаний о том, что указа о вольности не существует, один «почтенный по виду и добродушный» крестьянин, наклонившись к протоиерею, тихо сказал ему: «Батюшка, мы и сами хорошо знаем, что такого указа нет, но нам хочется, чтобы он был»⁵⁹.

После провала «политики увещания» в ряде районов правительство было вынуждено использовать крайние меры. В советской исторической литературе приводится противоречивая и, на мой взгляд, несколько преувеличенная информация о количестве войск, участвовавших в подавлении крестьянского движения в Киевской губ. Так, например, А.З. Барабой пишет: «Для подавления выступлений в общей сложности было брошено 9 рот пехоты и 25 эскадронов кавалерии под командованием генерал-майора А.Ф. Бехля. В конце апреля фельдмаршал П.И. Паскевич направил в помощь этим войскам еще Оренбургский казачий полк»⁶⁰. Я.И. Линков утверждает, что в усмирении движения участвовало «16 эскадронов кавалерии, дивизион пехоты, резервный батальон и две роты сапер»⁶¹. Изучение соответствующих документов Российского государственного военно-исторического архива показало, что непосредственно в период волнений (в марте–апреле 1855 г.) «для оказания на крестьян нравственного влияния воинской силы» и для «удержания их в должном порядке» в различных местах Киевской губ. были сосредоточены 3 дивизиона резервной легкой кавалерийской дивизии, 6-й резервный батальон Белевского егерского полка и 5 саперных рот⁶². При этом оружие было применено тремя саперными ротами и одной ротой Белевского егерского полка⁶³.

12 апреля 1855 г. для содействия кн. И.И. Васильчикову в деле успокоения волнений, возникших между крестьянами Киевской губ., по поручению императора Александра II из Петербурга в Киев был командирован состоявший при особе Его Величества генерал-адъютант Н.М. Яфимович. В предписании, данном ему по этому поводу военным министром генерал-адъютантом кн. В.А. Долгоруковым, подчеркивалось, что «действовать на волнуемых крестьян» необходимо «преимущественно мерами убеждения, объясняя им, что государь император, отечески соболезнуя о их заблуждениях, изволил прислать к ним своего генерал-адъютанта, дабы обратить их на путь истины и христианского долга. Только в случае совершенной необходимости обратиться к употреблению вооруженной силы для восстановления порядка; но приступить к сему не иначе, как с достаточным числом войск, дабы навести страх на крестьян, вынудить их к выдаче зачинщиков, коих на местах же подвергнуть, в пример другим, полицейскому выисканию, и лишь при продолжающемся упорстве толпы действовать оружием»⁶⁴. Отмечу, что Яфимович прибыл в Киевскую губ., когда волнения там уже практически прекратились.

В ходе усмирения крестьянских выступлений оружие было применено в трех местах – д. Быковая Гребля Васильковского уезда, с. Березна Сквирского уезда (где терзали несчастного протоиерея Василия Сикорского) и м. Корсунь Каневского уезда. Это была вынужденная мера, ибо во всех трех случаях крестьянские отряды, вооруженные дубинами и топорами, оказали неповиновение воинским частям, более того, пытались напасть на них и разоружить солдат. Последним пришлось стрелять практически в упор. В Быковой Гребле в ходе вооруженного столкновения (1 апреля) 5 крестьян были убиты и 4 ранены⁶⁵, в Березне (3 апреля) – 20 крестьян убиты и 40 ранены⁶⁶, в Корсуне (10 апреля) – по разным данным, от 11 до 13 крестьян убиты и от 23 до 27 ранены⁶⁷. В последнем случае погиб также осуществлявший фактическое командование ротой солдат Белевского егерского полка унтер-офицер Сидоров – крестьяне рассекли ему голову топором. (Командир роты капитан Лопатин вместе с Афанасьевым, Янкулюи и Лебединцевым вышел навстречу крестьянам, чтобы попытаться провести переговоры.) Он был похоронен с воинскими почестями в присутствии 13 священников⁶⁸.

В остальных местах обошлось без кровопролития. Чаще всего одного присутствия воинских частей хватило, чтобы крестьяне стали более сговорчивыми, признали свою неправоту и даже выдали зачинщиков волнений. Несколько крестьянских предводителей были арестованы, позднее преданы суду и приговорены к тюремному заключению.

Наиболее активные участники волнений были публично высечены розгами, остальные просто распущены по домам. «Вразумление крестьян наказаниями» (т.е. сечение розгами) было, в частности, проведено в селах Шкаровка и Трушки Васильковского уезда, в селах Кагарлык, Шубовка, Липовец Киевского уезда, а также в м. Таганча Каневского уезда. В Таганче экзекуция была одной из самых сильных, после ее проведения 20 человек из 40 наказанных были отправлены для лечения в больницу. В большинстве случаев, где крестьян удалось переубедить, и они добровольно раскаялись, экзекуции не применялись.

Весной 1855 г. всплеск народного движения произошел также в ряде великорусских губерний – Саратовской, Нижегородской, Самарской, Пермской, Воронежской и Симбирской. События повсеместно разворачивались сходным образом. Услышав Высочайший манифест от 29 января 1855 г. и воззвание Синода по случаю ополчения, многие крестьяне выражали стремление поступить на службу, надеясь получить за это свободу от крепостной зависимости. В ряде районов, как и в Киевской губ., крестьяне перестали ходить на барщину, требуя у священников выдачи «указа о вольности». Во всех губерниях, кроме Воронежской, куда были вызваны войска, крестьянские волнения удалось остановить при помощи полиции и духовенства⁶⁹.

1 июня 1855 г. Святейший Синод, рассмотрев полученные сведения о беспорядках, возникших в ряде епархий «от превратного толкования приходскими священниками Высочайшего манифеста о государственном ополчении и возвания Синода», и выразив «крайнее прискорбие», что это произошло несмотря на «столь ясные» наставления Синода о том, как следовало поступать духовенству при обнародовании данных документов, для предупреждения повторения где-либо подобных событий решил сделать всем епархиальным преосвященным ряд предписаний⁷⁰. Последние в определенной степени повторяли приведенные выше «распоряжения по Духовному ведомству», в виде инструкции разосланные Синодом во все епархии при соответствующих циркулярных указах от 5 февраля 1855 г., а также предписания, сделанные митрополитом Филаретом (Амфитеатровым) духовенству Киевской епархии в марте, при начале волнений. Большой акцент здесь был сделан на необходимости предельно ясно объяснить крестьянам, что их крепостная зависимость от помещиков ни в коей степени не может быть изменена вследствие их возможной службы в ополчении. Так, например, епархиальным архиереям прежде всего предписывалось через благочинных «строжайше обязать всех приходских священнослужителей в помещичьих имениях внушать прихожанам, что первый и священный долг каждого есть строгое послушание законным их властям, то есть местным начальствам и помещикам; что служба в ополчении не отчуждает их навсегда от помещиков и что те, кои поступят в ополчение, непременно должны будут по окончании сей службы снова возвратиться в те же имения под власть тех же помещиков своих, к домам и семействам своим и к прежним своим обязанностям; что отдача в ратники зависит от помещиков и от утверждения местной власти; что пока нет о сем распоряжения, до тех пор ни от кого и не требуется ничего более, кроме того, чтобы всякий спокойно ожидал, когда ему от помещика... объявлено будет идти на службу, а между тем в тишине занимался бы обычными работами, строго повинаясь, как велит заповедь Божия, господам своим и местным начальствам». Церковнослужителям вообще запрещалось «объяснять что-либо прихожанам по предмету ополчения». Синод особо подчеркивал, что «если кто-либо из священно- или церковнослужителей, вопреки столь ясному наставлению, неуместными речами или действиями подает повод к... беспорядкам, таковой, с лишением места, подвергнется неизбежному наказанию по всей строгости законов». Кроме того, преосвященным предписывалось «обратить бдительнейшее внимание на благонадежность, деятельность и распорядительность благочинных», а также в случае возникновения где-либо беспорядков немедленно командировать туда «самых опытейших и благонадежнейших духовных лиц». Абсолютно новым было лишь одно предписание: сделать распоряжение по сельским приходам о прекращении повторного чтения в церквях возвания Синода по случаю ополчения⁷¹.

Таким образом, весной 1855 г. духовенство Киевской губ., также как и некоторых других тыловых районов страны, попало в положение не менее сложное, чем у их собратьев по сану, находившихся на передовой. Священники подверглись нападению со стороны собственных прихожан, которые требовали выдать им несуществующий царский указ о вольности и записать их в ополчение, на что духовенство не имело права по закону. Оказавшись «между двух огней», многие священнослужители повели себя очень достойно. Терпя оскорбления и истязания, священники продолжали объяснять крестьянам истинное положение вещей и призывать к соблюдению спокойствия и порядка. Поскольку некоторые священнослужители в самом начале волнений совершили необдуманные поступки, приведшие к усилению смуты, то после восстановления порядка в ряде мест и крестьяне, и власти (как гражданские, так и духовные) пытались возложить вину за происшедшее на духовенство. Священники, составившие списки желающих поступить в ополчение, а также наиболее пострадавшие в результате волнений, как правило, были переведены в другие, отдаленные от прежнего места приходы. Несколько церковнослужителей, обвиненных в подстрекательстве (в том числе упоминавшийся выше дьякон Слотвинский) были арестованы и осуждены. Несмотря на допущенные духовенством просчеты, я полагаю, что вряд ли правомерно всерьез возлагать на него ответственность за происшедшее. Причина смуты коренилась в существовавшей крепостнической системе, заставлявшей крестьян использовать любые слухи как надежду на освобождение и как повод для борьбы за свободу. В Киевской губ., где крепостное право установилось за полвека до рассматриваемых событий, и где еще свежа была память о казачестве и вольности, крестьянские волнения проявились с особой силой. Терзать священников крестьян заставляли, с одной стороны, отчаяние, а с другой – взгляд на некоторых из них как на панских пособников. По свидетельству современников, в Киевской губ. были священники, которые, несмотря на тяжесть барщины, всячески ухитрялись увеличить лежавшую тогда на прихожанах натуральную повинность для обработки священнических участков, 10 лет спустя отмененную по представлению Киевского генерал-губернатора А.П. Безака⁷².

Следует подчеркнуть также, что выступая против барщины и собственных помещиков, крестьяне повсеместно выражали готовность соблюдать верность и служить российскому императору. Поэтому, на мой взгляд, несмотря на несомненное наличие у движения в Киевской губ. национальных, украинских черт (проявлявшихся прежде всего в стремлении его участников записаться «в казаки»), нет никаких оснований сомневаться в том, что украинские крестьяне были патриотами России. В этой связи, полагаю, следует рассматривать и отказ крестьян Таращанского уезда в марте 1855 г. поддержать бывшего студента Киевского университета св. Владимира поляка Иосифа Розенталя, предлагавшего им «побить москалей» и освободиться от крепостной зависимости с помощью представителей Франции и Англии. Опираясь на внешних врагов России, с которыми в то время велись военные действия, крестьяне не захотели. Они силой отобрали у Розенталя прокламацию, содержащую призыв поднять восстание против русского царя, и передали ее местному начальству. Более того, многие из крестьян затем участвовали в поисках сбежавшего подстрекателя⁷³. Вскоре Розенталь был задержан в Галиции и выдан России. Суд приговорил его к смертной казни через расстрел, однако по Высочайшей конфирмации приговор был заменен ссылкой на поселение в Сибирь.

Примечания

¹ Ясинский М.Н. К истории крестьянских движений в России. Волнения помещичьих крестьян Киевской губернии в 1855 году. Киев, 1890.

² Игнатович И.И. Крестьянские волнения // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. III. М., 1911.

³ Томашівський С. Київська козаччина 1855 року. Львів, 1902.

- ⁴ *Добровольский А.* 3 київської козащини 1855 року // Український науковий збірник. М., 1915.
- ⁵ *Лемке М.* Крестьянские волнения 1855 г. // Красная летопись. 1926. № 7.
- ⁶ *Шамрай С.* Київська козащина 1855 року. Київ, 1928.
- ⁷ *Линков Я.И.* Крестьянское движение в России во время Крымской войны 1853–1856 гг. М., 1940.
- ⁸ *Барабой А.З.* О характере крестьянского движения 1855 г. в Киевской губернии // Исторические записки. 1958. Т. 62. С. 245–252.
- ⁹ См.: Там же. С. 247.
- ¹⁰ Например, Я.И. Линков пишет: «Патриотические чувства если и имели место, то, во всяком случае, не были решающим мотивом» (*Линков Я.И.* Указ. соч. С. 40). С. Шамрай вообще отрицает наличие у украинских крестьян патриотического порыва. По его мнению, в силу своей национальной принадлежности они не могли быть патриотами России (*Шамрай С.* Указ. соч.).
- ¹¹ *Линков Я.И.* Указ. соч. С. 72.
- ¹² *Фруменкова Т.Г.* Православная Церковь и классовая борьба в России в период кризиса крепостничества (30–50-е годы XIX века). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 16.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Фруменкова Т.Г.* Православное духовенство в годы Крымской войны // Новый часовой. 1994. № 2. С. 13–18.
- ¹⁵ ПСЗ-П. Т. 30. № 28991.
- ¹⁶ Там же. № 28994.
- ¹⁷ РГИА, ф. 797, оп. 97, д. 411, л. 30–31.
- ¹⁸ Согласно именному императорскому указу, данному Сенату 29 января 1855 г., «для первоначального составления государственного ополчения» были назначены 18 губерний. При этом в Санкт-Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Тверской, Смоленской и Курской губерниях сбор ополчения следовало провести немедленно, а в Московской, Вологодской, Костромской, Нижегородской, Ярославской, Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской, Владимирской, Тамбовской и Пензенской губерниях, где с 15 февраля по 15 марта 1855 г. предстоял еще «двенадцатый частный рекрутский набор», ополчение предписывалось призвать с 1 апреля по 1 мая 1855 г. (См.: ПСЗ-П. Т. 30. № 28993). Позднее в район формирования ополчения были включены еще 13 губерний: Псковская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Воронежская, Саратовская, Симбирская, Вятская, Пермская, Витебская, Могилевская (указ императора от 31 июля 1855 г. См.: Там же. № 29547), а также Оренбургская и Самарская (указ от 16 сентября 1855 г. См.: Там же. № 29656).
- ¹⁹ РГИА, ф. 797, оп. 97, д. 411, л. 32–34 об.
- ²⁰ Там же, л. 34 об.–36.
- ²¹ См.: Там же, л. 50–54; 55–56 об. Оба документа опубликованы: *Мельникова Л.В.* Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. Приложение III. С. 300–305.
- ²² РГИА, ф. 797, оп. 97, д. 411, л. 38–40 об.
- ²³ Там же, л. 30, 32.
- ²⁴ Там же, л. 38.
- ²⁵ Там же, л. 49–49 об.
- ²⁶ Воззвание от Святейшего Правительствующего Синода к чадам Православной Российской Церкви по случаю государственного ополчения // Христианское чтение. 1855. Ч. 1. С. 246.
- ²⁷ Там же. С. 248–251.
- ²⁸ РГИА, ф. 797, оп. 97, д. 324, л. 17.
- ²⁹ ПСЗ-П. Т. 29. № 28824.
- ³⁰ Там же. Т. 30. № 28991.
- ³¹ *Вышинский М., свящ.* Потап Герасименко // Киевские губернские ведомости. 1854. № 42. Суббота, 16 октября. См. также: Заметки к истории Киевской козащины 1855 г. // Киевская старина. 1905. Т. 88. № 1. С. 50.
- ³² [*Лебединцев П.Г., прот.*] Записки протоиерея Петра Гавриловича Лебединцева о «козащине» 1855 г. // Киевская старина. 1900. Т. 70. № 7–8. С. 3.
- ³³ РГИА, ф. 796, оп. 136, д. 391, л. 11.
- ³⁴ Там же, л. 11 об.
- ³⁵ Там же, л. 11–12.

³⁶ Там же, л. 11 об.—12 об.

³⁷ Там же, л. 13. См. также: *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 14–15.

³⁸ *Ясинский М.Н.* Указ. соч. С. 18.

³⁹ *Фруменкова Т.Г.* Православное духовенство в годы Крымской войны. С. 14–15.

⁴⁰ *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 7. Позднее М. Вышинский привлекался к следствию по делу о беспокойствах, возникших между крестьянами некоторых уездов Киевской губ. Прямая причастность его к этому делу доказана не была, однако к сведению было принято замечание кн. И.И. Васильчикова о том, что «напечатанная за несколько месяцев до означенных происшествий в местных губернских ведомостях статья сего священника о патриотическом воодушевлении прихожан его при объявлении войны с Турцией могла иметь некоторое влияние на бывшее впоследствии волнение между крестьянами». В результате М. Вышинский был переведен в другой приход (РГИА, ф. 797, оп. 97, д. 412, л. 43–44).

⁴¹ [*Ковальский А., свящ.*]. Посмертный рассказ о. Антония Ковальского (К истории крестьянских волнений в Киевской губернии 1855 г.) // *Киевская старина*. 1882. Т. 1. № 1. С. 181; *Сикорский В., прот.* Из воспоминаний потерпевшего во время крестьянских волнений 1855 г. // *Киевская старина*. 1882. Т. 2. № 4. С. 92.

⁴² *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 8–9.

⁴³ *Сикорский В., прот.* Указ. соч. С. 95.

⁴⁴ *Фруменкова Т.Г.* Православное духовенство в годы Крымской войны. С. 15–16.

⁴⁵ *Сикорский В., прот.* Указ. соч. С. 85–105.

⁴⁶ Там же. С. 88.

⁴⁷ Там же. С. 85–105.

⁴⁸ *Ковальский А., свящ.* Указ. соч.

⁴⁹ Там же. С. 396.

⁵⁰ Цит. по: *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 19.

⁵¹ Там же. С. 21.

⁵² *Ясинский М.Н.* Указ. соч. С. 14–15.

⁵³ *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 21–22.

⁵⁴ РГИА, ф. 796, оп. 136, д. 391, л. 2–3, 13.

⁵⁵ *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч.

⁵⁶ Там же. С. 42–45.

⁵⁷ Инвентарные правила, регулировавшие отношения между помещиками и крепостными крестьянами, были введены в действие в Киевской и некоторых других губерниях 26 мая 1847 г. Вторая редакция этих правил была утверждена 29 декабря 1848 г.

⁵⁸ Цит. по: *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 6–7. Необходимо отметить, что историк А.З. Барабой, видевший в Центральном государственном историческом архиве СССР оригинал рапорта П.Г. Лебединцева, утверждает, что вместо слов «в надежде, что им будут даны земли» там сказано, «что им будут принадлежать все помещичьи земли и угодья» (*Барабой А.З.* Указ. соч. С. 248).

⁵⁹ *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 39.

⁶⁰ *Барабой А.З.* Указ. соч. С. 245.

⁶¹ *Линков Я.И.* Указ. соч. С. 34.

⁶² РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 5496, л. 20, 22 об., 31 об., 38, 49.

⁶³ Там же, л. 22–23, 25–27, 45–46 об.

⁶⁴ Там же, л. 41–44.

⁶⁵ Там же, л. 22–23; *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 25, 33.

⁶⁶ РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 5496, л. 26–27; *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 35.

⁶⁷ РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 5496, л. 46–46 об.; *Ковальский А., свящ.* Указ. соч. С. 390; *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 45.

⁶⁸ *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 45–46.

⁶⁹ См.: *Фруменкова Т.Г.* Православное духовенство в годы Крымской войны. С. 16–17.

⁷⁰ РГИА, ф. 797, оп. 25, отд. 2, ст. 2, д. 29 а, л. 1–2 об.

⁷¹ Там же, л. 2 об.—5.

⁷² *Лебединцев П.Г., прот.* Указ. соч. С. 42.

⁷³ РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 5496, л. 29–31, 36–36 об.